

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.1
УДК 327.3

И. А. Селезнёв¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассмотрены внутренние вызовы безопасности в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР), причины социальной нестабильности и возникновения конфликтов. В статье дается характеристика общего и особенного в социально-политическом положении по странам ЦАР. Данное исследование проведено в рамках теории конфликта. В работе использована авторская типология издержек и рисков на пути межгосударственной интеграции: риски роста (экономические, социальные, безопасности) и имманентные риски, а также характеристика природы региональных конфликтов. Автор анализирует интересы России в ЦАР, конфликтный потенциал региона, перспективы развития евразийской интеграции в регионе. В качестве основных конфликтогенных внутривнутриполитических факторов действуют: бедность населения, рост социальной дифференциации, высокий уровень безработицы, переизбыток трудоспособного населения, социально-экономическая нестабильность; архаизация общественной жизни; межэтнические противоречия; наличие религиозно-фундаменталистского и экстремистского подполья, выжидающего момента для захвата власти; распространение наркомании и деятельность занятых транзитной наркоторговлей организованных преступных сообществ; угроза политической дестабилизации региона как в процессе передачи власти новому поколению руководителей, так и смены руководящих элит. Евразийская интеграция способна усилить российский вектор в политике вовлеченных в евразийскую интеграцию стран, но не упразднит влияния других векторов, лишь сбалансирует их. Участие в евразийской интеграции способно помочь странам ЦАР укрепить свою независимость и суверенитет. Поскольку, внешнеполитическая «многовекторность», понимаемая зачастую как отдаление от России приводит к возрастанию зависимости от других центров силы, что в конечном счете противоречит национальным интересам самих государств ЦАР.

Ключевые слова: Центрально-Азиатский регион, ОДКБ, ЕАЭС, евразийская интеграция, региональные конфликты, социально-политическая напряженность.

Для цитирования: Селезнёв И.А. Евразийская интеграция и внутренний конфликтный потенциал стран Центрально-Азиатского региона // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 6-16. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.1

Введение. Случившийся 28 апреля – 1 мая 2021 г. вооруженный пограничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном стал поводом обратиться к изучению конфликтного потенциала в регионе, эффективности интеграционных евразийских инициатив и возможностей и интересов России в «юж-

ном подбрюшье». Ведь оба эти государства де-юре являются союзниками по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), участниками Евразийского банка развития (ЕАБР). Киргизстан – член Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Таджикистан рассматривает возможность вступления в Союз и конфликт этих государств с применением военной силы вызвал разговоры о кризисе евразийской интеграции и всех этих объединений, в частности. Хотя новейшая история знает прецеденты военных столкновений между членами одного военно-политического союза (напр. членов НАТО Греции и Турции, достаточно вспомнить вооруженный конфликт на Кипре в 1974 г.), но это, тем не менее, не даёт индульгенции при возникшей напряженности между участниками ОДКБ.

Киргизско-таджикский конфликт породил политические спекуляции: каждая из сторон неоправданно призывала к военной помощи сил ОДКБ и отсутствие таковой было использовано для дискредитации организации. Так, на заседании комитета по международным делам, обороне и безопасности Жогорку Кенеша – парламента Киргизской Республики, оппозиционными депутатами было предложено пересмотреть членство в ОДКБ и присоединиться к «другой организации» (имелось в виду НАТО). Данное предложение о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО получило широкое обсуждение среди киргизских пользователей социальных сетей¹.

Тут можно согласиться с точкой зрения, что проблема региональных конфликтов представляет собой комплекс вопросов, имеющих жизненно важное значение для государств: увеличение общества потребителей непреклонно приводит к дилемме между «хлеба и зрелищ» и «деньги и власть». И таким современным экстремальным зрелищем становится политика создания региональных конфликтов, которые будоражат общественное мнение и позволяют его отвлечь от насущных проблем, перераспределять финансовые потоки под свои интересы, найти иностранных спонсоров и таким образом засветиться в большой политике, обеспечить себе карьерный рост, подавить оппозицию, изменить контент СМИ, изменить расстановку политических и экономических сил влияния в конфликтующих сторонах, обосновать милитаризацию экономики и миграционные процессы [1, с. 67-68].

Обсуждение. В свое время развернулась целая дискуссия по поводу более точного наименования данного региона: «Средняя» или «Центральная» Азия [2, с. 13-17]. В данной работе мы станем использовать термин «Центрально-Азиатский регион (ЦАР)», под которым будет пониматься политико-географическое пространство, ранее обозначавшееся термином «Советская Средняя Азия и Казахстан», включающее 5 постсоветских государств. После 1991 г. эти республики Союза ССР обрели независимость и получили возможность самим выбирать своё будущее и вектор развития. Россия как правопреемница СССР перестав быть метрополией для новых независимых государств ЦАР, начала выстраивать с ними отношения как с суверенными акторами международных отношений. Но ЦАР был и остаётся для России на историческую перспективу зоной национальных интересов. И в царский, и в советский период ЦАР был территорией, важной для российского государства в стратегическом, геополитическом, экономическом и социальном аспектах. И Россия сохраняет целый комплекс механизмов влияния в ЦАР [3, с. 76-92].

¹ В Кыргызстане заговорили о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО // Seldon.News. 11 мая 2021. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/250513890> (дата обращения 25.10.2021).

По мнению экспертов, интересы России в ЦАР определяются, в первую очередь, следующими причинами: присутствие там сокращающегося, но все же достаточно многочисленного русского населения, зачастую подвергающегося дискриминации; наличие социально-политических факторов (как между, так и внутри новых независимых государств), грозящих дестабилизацией ситуации и возникновением «вакуума влияния», который будет заполнен криминальными и фундаменталистскими структурами, что в условиях фактической прозрачности границ угрожает безопасности самой России; значительный объем энергоносителей в ЦАР, привлекающий внимание многих внешних сил, заинтересованных в геоэкономическом вытеснении из него России, пока еще сохраняющей в своих руках контроль над немалой частью системы экспортных газо- и нефтепроводов [4, с. 160-161].

Ну и, конечно же, Россия заинтересована в предупреждении и разрешении межгосударственных и межэтнических конфликтов в ЦАР, подобных столкновениям на киргизско-таджикской границе. Учитывая массовую трудовую миграцию из стран региона, такие конфликты чреваты распространением межэтнической розни между киргизами и таджиками, приехавшими на работу в Россию и такие инциденты уже были зафиксированы. Также, после конфликта на границе двух республик, обучающиеся в Киргизстане студенты из Таджикистана получали угрозы и подвергались преследованиям. Из-за этого большинство из них заявили о нежелании продолжать обучение в Киргизии². (Год назад, в 2020 г. российское общество и правоохранительные органы уже столкнулись с фактами межнациональной розни между представителями азербайджанской и армянской диаспор по поводу обострения событий в Нагорном Карабахе).

Соответственно, интересы Россия состоят в сохранении экономической и политической стабильности на пространстве ЦАР, развитии интеграционных процессов, укреплении межгосударственных экономических, культурных, образовательных связей; урегулировании имеющихся и предотвращении возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к границам РФ странах; использовании Россией объектов оборонной инфраструктуры, расположенных в государствах-партнерах по евразийской интеграции; недопущении расширения НАТО на территорию бывших республик СССР; противодействии распространению экстремизма и терроризма, наркотрафика и оргпреступности через соседние государства.

За четверть века евразийской интеграции на постсоветском пространстве возникли такие инициативы как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, каждая из которых имеет свои функции и решает свои задачи. Евразийская интеграция может в долгосрочном плане помочь усилить экономическое сотрудничество на постсоветском пространстве и, соответственно, уменьшить негативный эффект глобальных кризисных явлений [5].

Однако ЕАЭС предстоит сделать еще многое для того, чтобы удерживать и стимулировать общественный интерес к объединению. Пока страны-участницы ЕАЭС проигрывают другим государствам, например, в привлекательности образовательных услуг, научно-технического сотрудничества, импортируемых товаров и капитала. Поэтому очень важно, добиваться прогресса в «проседающих» отраслях межгосударственного сотрудничества и интеграции, работать с общественным мнением: обеспечивать своевременное информирование ши-

² Студенты из Таджикистана в Кыргызстане заявили об угрозах и преследованиях // Sputnik Таджикистан : [сайт]. 17 июля 2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210717/tajikistan-kyrgyzstan-studenty-konflikt-granica-1040955417.html> (дата обращения 25.10.2021).

рокой общественности о проводимой работе по развитию интеграции, вести объективную дискуссию о ее преимуществах и недостатках для населения, для бизнеса, для отдельных стран и их регионов [6, с. 177-178].

Россия рассматривает государства-участники евразийской интеграции в качестве близких экономических и стратегических союзников. Наличие совместных угроз объединяет партнеров, требует скоординированных усилий по выработке единой системы международного военного сотрудничества в соответствии с провозглашенными целями государств-членов ОДКБ и их союзников [7, с. 40-48]. Тем не менее, руководители государств ЦАР периодически заявляют, что проводят «многовекторную» политику, направленную, в первую очередь, на укрепление их собственной независимости. [8, с. 56-68; 9, с. 157-161].

В этом плане опасения (а для многих и надежды), что ЕАЭС и другие интеграционные инициативы приведут к возврату России к роли «старшего брата» напрасны. ЕАЭС в случае, если в его рамках удастся наладить стабильное взаимовыгодное экономическое сотрудничество, способен усилить российский вектор в политике вовлеченных в евразийскую интеграцию стран. Но он не отменит при этом других векторов, только сбалансирует их.

Так, за счет экономических факторов российский вектор в ЦАР в последнее время сильно ослаб по сравнению с китайским. ЕАЭС может помочь в том, чтобы уравновесить этот тренд. Усиление экономического сотрудничества с Россией в этом плане может только помочь вовлеченным в ЕАЭС странам ЦАР укрепить свою независимость, в частности, по отношению к Китаю. Ведь, фактически, внешнеполитическая «многовекторность», понимаемая зачастую как отдаление от России приводит к возрастанию зависимости от других центров силы (США и ЕС, Турции, либо от КНР), что в конечном счете противоречит национальным интересам самих государств ЦАР [10, с. 173]. Поэтому, нельзя не согласиться, что основным препятствием для нормативного и институционального развития евразийской интеграции является отсутствие политической воли, четко обозначенной на высшем государственном уровне [11, с. 9].

Нельзя не согласиться с экспертной точкой зрения, что участие России в ЕАЭС лишь отчасти поможет решить проблемы в экономике. Успешность евразийской интеграции во многом зависит от характера и состояния внутренних социально-политических взаимоотношений российского гражданского общества и государства. Без поддержки россиян, их высокого уровня доверия власти, положительных оценок деятельности первых лиц государства процесс евразийской интеграции со стороны России столкнется с рядом трудностей, препятствующих функционированию таких проектов, как валютный союз (введение единой валюты) ЕАЭС, создание общей телерадиовещательной компании, разрешение свободного передвижения граждан в регионе ЕАЭС и другие [12, с. 72].

Методология. Данное исследование проведено в рамках теории конфликта. В рамках исследования были использованы следующие методы: ситуационный анализ, ивент-анализ, анализ документов, вторичный анализ социологических данных. В методологическом отношении в работе использована следующая авторская типология издержек и рисков на пути межгосударственной интеграции:

1. **Риски роста** – все те проблемы и сложности, которые возникают при институционализации интеграционных процессов. К их числу относятся:
 - (1) **экономические риски** – связанные с неравномерностью экономического развития государств ЕАЭС, разными скоростями роста благосостояния населения, цифровой экономикой, тарифными барьерами и т.п.;

(2) **социальные риски** – связанные с занятостью, безработицей; сюда же относятся миграционные риски и связанные с ними проблемы интеграции, социального обеспечения и социальной работы с мигрантами; неустойчивость поддержки интеграции среди населения принимающих миграцию государств-участников ЕАЭС; вопросы поддержания высокого уровня социальной сплоченности и солидарности; необходимость решения проблем, связанных с управлением многообразием; отсутствие необходимой миграционной инфраструктуры; отсутствию общей системы образования, профессиональной и языковой подготовки, психологические барьеры в принимающем обществе и т.п.;

(3) **риски безопасности** – рост преступности, распространение экстремизма, терроризма, наркотрафика и т.д.

2. **Имманентные риски** – порождаемые самим суверенным государственным статусом стран-участниц ЕАЭС, для которых существует определенная «красная черта» ограничений, дойдя до которой дальнейшие интеграционные продвижения воспринимаются в качестве угрозы суверенитету [10, с. 167-173].

Также обозначим и некоторые характерные черты региональных конфликтов (РегК):

(1) РегК можно рассматривать, как опережающее проявление назревающих глобальных конфликтов;

(2) в основе РегК лежат противоречия в сфере экономики, политики, религии и идеологии, и они, как правило, протекают в русле национально-этнических и религиозных столкновений;

(3) РегК отличаются составом участников, в качестве которых выступают административно-территориальные образования или этнические группы;

(4) РегК вовлекают в свою орбиту большие массы населения со своими зонами влияния;

(5) РегК связаны с динамикой и трансформацией восприятия исторических ситуаций; (6) формированием образа конфликтной ситуации у народа занимается политический менеджмент с активным использованием СМИ [13, с. 79-95].

Результаты. Сначала рассмотрим подробнее внутренний социально-политический конфликтный потенциал в государствах ЦАР.

1) Бедность, рост социальной дифференциации, высокий уровень безработицы, переизбыток трудоспособного населения, социально-экономическая нестабильность.

2) За годы суверенитета в государствах ЦАР произошла архаизация общественной жизни, связанная с широким распространением клановости, землячества, коррупции, продвижения и покровительства родственникам, низкой эффективностью государственных структур, пренебрежения правами человека, разделением властей и т.п. Это не может не порождать социальной напряженности. По мнению специалистов, клановая организация социума в странах ЦАР, распространяет консолидирующие направления лояльности как по горизонтали в пределах кровнородственных сообществ, так и по вертикали, воспроизводящей иерархию связей от элитных верхов до рядовых участников объединений. Центральноазиатские кланы, приспосабливаясь к современности, обретая новые сущностные качества,

остаются актуальным социально-политическим феноменом, наличествует симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит через землячество, кумовство, родство и т.п. При этом, в такой неформальной системе ценностей, президенту республики отводится роль «отца нации», верховного арбитра для всех остальных кланов. Противоречия с элитной верхушкой, порождаемые традиционным вектором эволюции кланов, инициируют «регионализацию» кланов, их консолидацию вокруг повестки, замыкающейся на местные проблемы. Такой «разворот» клановых сообществ может иметь деструктивные последствия, в том числе потенциально ведущие к сецессии [14, с. 250-259].

- 3) В обществах стран ЦАР сохраняются и межэтнические противоречия. Достаточно вспомнить киргизско-узбекские столкновения в Киргизии, в Оше и Джалал-Абаде в июне 2010 г. Стоит обратить внимание, что политические противники лидера Киргизстана С. Жапарова, обвиняют его в приверженности к киргизскому национализму. По некоторым оценкам, рейтинг популярности президента по этим причинам крайне низок у многочисленной узбекской общины на юге страны, где его считают сторонником антиузбекских настроений и действий, в частности, в период ошско-джал-алабадских событий 2010 г.³
- 4) Джихадисты, исламские фундаменталисты ждут своего часа, чтобы в случае возникновения политической нестабильности общества прийти к власти. Эти круги используют для вовлечения в ряды своих сторонников идеологические мотивы, связанные и не связанные с религией. Для дискредитации правящих светских режимов фундаменталистами широко используются спекуляции на существующих социальных проблемах и противоречиях стран ЦАР. Часто представители религиозно-экстремистских организаций связаны с криминальными группами, используя их для маскировки своей деятельности, а также получения доходов, материальных и людских ресурсов [15, с. 24].
- 5) Распространение наркомании и деятельность занятых транзитной наркоторговлей организованных преступных сообществ. Практически во всех государствах ЦАР за последние годы наблюдается рост числа наркозависимых, что связывается в том числе и с нерешенностью проблемы поступления наркотиков из Афганистана [4, с. 152]. Существуют связи наркомафии с исламистскими радикалами и есть угроза сращивания занятых наркотрафиком организованных преступных сообществ (ОПС) с экстремистским и террористическим подпольем. Активизация экстремистских и террористических организаций в ЦАР крайне выгодна для наркомафии по двум причинам: (а) отвлекает внимание силовых структур региона; (б) дает возможность объединять свои усилия с террористическими организациями с целью дестабилизации обстановки в регионе. Реальность такой кооперации еще более вероятна в период смены политических элит в некоторых странах ЦАР, что может привести к появлению представителей наркомафии в высших структурах государственной власти. Отдельная проблема – в появлении идеологического обоснования наркоторговли, ко-

³ Почему осужденного Садыра Жапарова так продвигают в премьер-министры и как он стал так популярен среди некоторых протестующих // Клоор.Кг: Новости Кыргызстана. 07 октября 2020. URL: <https://kloop.kg/blog/2020/10/07/pochemu-osuzhdennogo-sadyra-zhaparova-tak-prodvigayut-v-premer-ministry-i-kak-on-stal-tak-populyaren-sredi-nekotoryh-protestuyushhih> (дата обращения 25.10.2021)

торая стала рассматриваться как один из действенных инструментов борьбы с Западом и его союзниками [16, с. 146].

- 6) Потенциальным вызовом остаётся угроза политической дестабилизации региона как в процессе передачи власти новому поколению руководителей, так и смены руководящих элит. В Таджикистане, по ряду экспертных оценок, на среднесрочной повестке дня стоит передача власти от президента Э. Рахмона к его сыну Р. Эмомали. И Таджикистан может стать следующим объектом для попытки «цветной революции», тем более, что в стране для этого существуют все социальные условия. Учитывая события гражданской войны 1990-х гг. в республике, последствия дестабилизации могут быть непредсказуемыми. Даже в относительно благополучных государствах региона могли быть проблемы с передачей верховной власти, но тем не менее, за прошедшие годы можно было наблюдать в целом удачные примеры транзита власти в Туркменистане (избрание вице-президента Г. Бердымухамедова президентом после смерти президента С. Ниязова), в Узбекистане (избрание премьера Ш. Мирзиёева президентом после смерти президента И. Каримова) и в Казахстане (по сценарию «рокировки в китайском стиле», с избранием председателя Сената К.-Ж. Токаева на должность президента и сохранением за «национальным лидером» Н. Назарбаевым постов главы Совбеза Казахстана, члена Конституционного совета и председателя правящей партии «Нур-Отан»).

Особняком в этой группе стран стоит Киргизстан. Если Западом не были признаны в качестве «свободных и справедливых» никакие выборы, проводимые в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане с момента обретения независимости, и политические режимы в этих государствах воспринимались в качестве авторитарных, то в Киргизии сложилась специфическая политическая культура смены власти, которую можно было бы назвать «охлократической» (свержение власти через массовые выступления недовольного населения). Подобная особенность политической жизни Киргизстана ослабляет государственные структуры и ставит процесс смены власти в зависимость как от регионально-субэтнических и властно-корпоративных кланов, так и от ОПС. Периодичность подобных решений внутриполитических социальных кризисов в стране лишь подтверждает нашу гипотезу. (См. «тюльпановая революция» в марте 2005 г., приведшая к отстранению от власти президента А. Акаева; свержение президента К. Бакиева в апреле 2010 г.; «третья киргизская революция» октября 2020 г., результатом которой стала отставка с президентского поста С. Жээнбекова и, в конечном счете, приход к власти С. Жапарова). Тем не менее, следует обратить внимание на усиление президентской вертикали власти в стране: большинство граждан Киргизии на референдуме 10 января 2021 г. проголосовало за президентскую республику, а в апреле 2021 г. была принята новая Конституция, закрепившая данную форму правления. Характерно, что это уже 3-й раунд изменений в основном законе Киргизской Республики относительно формы правления, каждый раз осуществляемый по итогам «революций».

Так, спустя два года после «тюльпановой революции» в период президентства К. Бакиева были проведены изменения в основном законе в пользу усиления полномочий президента, но по итогам «второй киргизской революции» 27 июня 2010 г. прошел референдум по новой конституции, которую приняли 90,57% голосами «за»: тогда государство после нараставших в период правления

президента К. Бакиева авторитарных тенденций стало парламентско-президентской республикой. Теперь снова усилены президентские полномочия.

Если США и страны Запада демонстрируют неприятие возможного усиления власти президента в политической системе Киргизстана, то Россия, КНР и Казахстан заняли другую позицию, поддерживая в первую очередь стабилизацию ситуации, под чем понимается отсутствие межэтнических конфликтов в стране и соблюдение руководством Киргизии ранее достигнутых договоренностей. Поэтому показательно, что лишь в середине ноября 2020 г. правительство России возобновило финансовую помощь Киргизии, приостановленную в период нестабильности внутривнутриполитической в Бишкеке. Поэтому неудивительны заявления С. Жапарова и в качестве кандидата в президенты КР и избранного президента о России как главном стратегическом партнере Киргизии. Тем не менее, стоит учитывать, что изменение формы правления не застрахует Киргизстан от повторения привычного сценария с силовым захватом власти в результате массовых выступлений, поскольку сохраняются застарелые конфликты, а инициатива с реформой конституции — не новация, а возвращение устоявшейся практики, когда с приходом нового лидера и сплоченной и организованной группы его сторонников менялось и зачищалось политическое поле. Но тогда и следует ожидать, что через какое-то время весь цикл смены власти повторится⁴.

Итак, очевидной является значимость внутренних причин в системе вызовов безопасности ЦАР. Каждый из вышеописанных факторов способен запустить или оказаться фоновым условием для реализации негативных сценариев развития. Стоит провести сравнение с межгосударственными факторами развития конфликта, что и будет проведено в следующей статье цикла.

Библиографический список

1. Евсеев, В. О. Методология применение экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3(29). С. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06.
2. Алексеева, Н. Н., Иванова, И. С. Средняя или Центральная Азия? // География. Первое сентября. 2003. № 28. С. 13-17.
3. Притчин, С. А. Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 76-92.
4. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г. И. Осадчей. М. : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с. ISBN 978-5-907063-15-0. DOI: 10.18334/9785907063150.
5. Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса / Под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина. М. : ИМЭМО РАН, 2012. 150 с. ISBN 978-5-9535-0331-0.
6. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Оситов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.]. М. : Перспектива, 2020. 532 с. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.
7. Цыплин, В. Г. Особенности укрепления военно-технического потенциала государств-членов ОДКБ в 2019 году // Военная история России: проблемы, поиски, решения : Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч. (Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.). Волгоград, 2020. С. 40-48.
8. Фомин, М. В. Россия. Матрица социальной (не)стабильности // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 56-68. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-8-56-68.

⁴ Лисицын А. «Нами правила водители и телохранители». В Киргизии меняют конституцию // РИА Новости. 22 ноября 2020. URL: <https://ria.ru/20201122/kirgiziya-1585600772.html> (дата обращения 25.10.2021).

9. *Фомин, М. В.* Россия в мировых конфликтах. Горизонт – 2019 // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам за 2009 год. /Под общ. ред. А. А. Аслаханова, В. М. Соловьева и С. В. КОРТУНОВА. М., 2010. С. 157-161.
10. *Селезнев, И. А.* О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 164-176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488.
11. *Журавлёв, В. Е.* О некоторых тенденциях евразийской экономической интеграции // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10, № 3(24). С. 5-9.
12. *Левашов, В. К., Шупианова, И. С., Афанасьев, В. А., Новоженина, О. П.* Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3-4. С. 66-77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77.
13. *Евсеев, В. О., Селезнев, И. А.* Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 79-95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07.
14. *Рекк, Д. А., Егоров, В. Г.* Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3(23). С. 250-259. DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-250-259.
15. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / Под общ. ред. А. П. Новикова ; АТЦ СНГ, МОФ «Российский фонд мира». М. : Изд-во «Русь», 2018. 96 с. ISBN 978-5-8090-0093-2.
16. *Селезнев, И. А.* Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 143-152.

Дата поступления в редакцию: 25.10.2021.

Принята к печати: 10.11.2021.

Сведения об авторе:

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

e-mail: igdrake@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 74352

ORCID: 0000-0003-2862-9444

ResearcherID (Web of Science): J-8175-2018

Scopus: ID 57203573051

I. A. Seleznev¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

EURASIAN INTEGRATION AND THE INTERNAL SOCIO-POLITICAL CONFLICT POTENTIAL OF THE CENTRAL ASIAN REGION

Abstract. The article examines the internal security challenges in the Central Asian region (CAR), the causes of conflicts within the countries of the region. The article describes the general and special features of the socio-political situation in the CAR countries. This study was conducted within the framework of the theory of conflict. The paper uses the author's typology of costs and risks on the path of interstate integration: growth risks (economic, social, security) and immanent risks, as well as characteristics of the nature of regional conflicts. The author analyzes Russia's interests in the CAR, the conflict potential of the region, and the prospects for the development of Eurasian integration in the region. The main conflict-causing internal political factors are: poverty of the population, the growth of social differentiation, high unemployment, an overabundance of the able-bodied population, socio-economic instability; the archaization of public life; interethnic contradictions; the presence of a religious fundamentalist and extremist underground, waiting for the moment to seize power; the spread of drug addiction and the activities of organized criminal communities engaged in transit drug trafficking; the threat of political destabilization of the region both in the process of transferring power to a new generation of leaders and the change of leadership elites. Eurasian integration can strengthen the Russian vector in the policies of the countries involved in Eurasian integration, but it will not eliminate the influence of other vectors, it will only balance them. Participation in the Eurasian integration can help the CAR countries strengthen their independence and sovereignty. Since foreign "multi-vector" policy, often understood as a distance from Russia, leads to an increase in dependence on other centers of power, which ultimately contradicts the national interests of the CAR nations themselves.

Keywords: Central Asian region, CSTO, EAEU, Eurasian integration, regional conflicts, socio-political tension.

For citation: Seleznev I.A. (2021) Eurasian integration and the internal socio-political conflict potential of the Central Asian region. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. P. 6-16. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.1

References

1. Evseev V. O. (2021) Methodology application of expert systems for the analysis of regional conflicts. *CITISE*. No. 3. Pp. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06 (in Russ.).
2. Alekseeva N. N., Ivanova I. S. (2003) Middle or Central Asia? *Geografiya. Pervoe sentyabrya*. No. 28. Pp. 13-17 (in Russ.).
3. Pritchins S. A. (2020) Russia's policy in central Asia in the XXI-th cent. *National Strategy Issues*. No. 6 (63). Pp. 76-92 (in Russ.).
4. *Eurasian integration processes: socio-political dimension* (2018) Ed. by G. I. Osadchaya. M. : BIBLIO-GLOBUS. 374 p. DOI: 10.18334/9785907063150. ISBN 978-5-907063-15-0 (in Russ.).
5. *The Trends of World Social-Political Development under the Crisis conditions* (2012) Ed. by E. Sh. Gontmakher, N. V. Zagladin. M. : IMEMO RAS Publ. 150 p. ISBN 978-5-9535-0331-0 (in Russ.).
6. Osipov G. V., Levashov V. K., Ryazantsev S. V. [et al.] (2020) *Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh pandemii: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitiye Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu [Russian society and state in the conditions of pandemic: sociopolitical situation and demographic development of the Russian Federation in 2020]*. M. : Perspektiva Publ. 532 p. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532 (in Russ.).

7. Tsyplin V. G. (2020) Features of strengthening military-technical capacity of CSTO member states in 2019. In : *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya [Military History of Russia: problems, searches, solutions]*: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: v 3 ch. (Volgograd, September 11–12, 2020). Volgograd. Pp. 40–48 (in Russ.).

8. Fomin M. V. (2010) Russia. Matrix of social (in)stability. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. Pp. 56–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-8-56-68 (in Russ.).

9. Fomin M. V. (2010) Russia in global conflicts. Horizon – 2019. In : *Rossiya v novom veke: vneshnepoliticheskoe izmerenie [Russia in the new century: the foreign policy dimension]*. Sbornik materialov zasedanii Ehkspertnogo soveta Komiteta Soveta Federatsii po mezhdunarodnym delam za 2009 god. Ed. by A. A. Aslakhanov, V. M. Solov'ev, S. V. Kortunov. Moscow. Pp. 157–161 (in Russ.).

10. Seleznev I. A. (2020) On the first results of Eurasian integration. achievements and risks of the Eurasian Economic Union. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*. No. 6. Pp. 164–176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488 (in Russ.).

11. Zhuravlev V. E. (2019) On some trends of the Eurasian economic integration. *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. Vol. 10. No. 3(24). Pp. 5–9 (in Russ.).

12. Levashov V. K., Shushpanova I. S., Afanasyev V. A., Novozhenina O. P. (2019) Russian civil society and the state in the processes of Eurasian integration. *Science. Culture. Society*. No. 3-4. Pp. 66–77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77 (in Russ.).

13. Evseev V. O., Seleznev I. A. (2021) Conflict management and research methods regional conflicts. *CITISE*. No. 3. Pp. 79–95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07 (in Russ.).

14. Rekk D. A., Yegorov V. G. (2020) Socio-political evolution of Central Asian clans. *Sotsial'nye i humanitarnyye znaniya*. Vol. 6, No. 3(23). Pp. 250–259. DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-250-259 (in Russ.).

15. *Profilaktika terrorizma i ehkstremizma v molodezhnoi srede [Preventing terrorism and extremism among young people]*. Ed. by A. P. Novikov. M. : Rus' Publ., 2018. 96 p. ISBN 978-5-8090-0093-2 (in Russ.).

16. Seleznev I. A. (2017) The role of the CSTO and the SCO in providing the security of the states of the Central Asia. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*. No. 4. Pp. 143–152 (in Russ.).

The article was submitted on October 25, 2021.

Accepted on November 10, 2021.

Information about the author:

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: igdrake@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2862-9444

ResearcherID (Web of Science): J-8175-2018

Scopus: ID 57203573051